

Популярный киноактер Владимир Гостюхин — один из тех, кто почти не участвует на съемочной площадке в дублях. И не только потому, что все получается с первого раза. Образы, создаваемые им перед камерой, требуют такого накала чувств и переживаний, что режиссеры, щадя антера, стараются обходиться минимумом повторов.

Лауреат премии Ленинского комсомола и Государственной премии БССР Владимир Гостюхин знаком зрителям по фильмам «Восхождение», «Был месяц май», «Старшина», «Белый ворон», «Хождение по мукам», «Случайные пассажиры», «Возьму твою боль», «Охота на лис», «Такая жесткая игра — хонкей». Предложения сниматься в новых лентах сыплются теперь на него со всех сторон. А ведь было время (теперь он даже благодарен за это судьбе) — его не брали ни в один театр. В отчаянии решил искать новую профессию, как вдруг...

характера цельного, не знающего компромиссов, не боюсь этого слова — любимая роль, за исполнение которой получил серебряную медаль имени Довженко.

— Один поэт сравнил талант с пропеллером, создающим ветер даже в тихую погоду. А что значит талантливый для вас?

— Для меня талантлив тот, кто не усваивает формулу чу-

Вы просили рассказать

Не желайте мне покоя...

— Заболел актер, игравший старшину Бокарева в спектакле по повести А. Рыбакова «Неизвестный солдат», — рассказывает Владимир. — И взгляд режиссера случайно упал на меня. Я как мебельщик — декоратор «обставлял» сцену. На эту должность приняли, пообещав со временем зачислить в труппу Театра Советской Армии. Но время шло, а моя жизнь «меж стульев» не менялась. В мыслях я уже десятки раз складывал чемодан и видел себя в родном Свердловске, где прошли мои детство и юность. Да только стыдился матери. Она отговаривала ехать в Москву, убеждая, что никакой я не артист, просто вбил себе в голову. Можете представить, что чувствовал, когда меня пригласили на пробы. Текст знал наизусть, и после второй репетиции режиссер решительно сказал: «Завтра выходи на сцену». Играл в спектакле, потому расставлял опротивевшие стулья.

Неожиданно судьба преподнесла мне еще один сюрприз — подарила встречу, которая изменила всю жизнь. Лариса Шепитько предложила роль Рыбака в фильме «Восхождение». Но подводила «дефицитная» должность в театре — отпуска не давали. Я рискнул — уволился и уехал на съемки в старинный город Муром.

— Не подозревали, как это сложно?

— Отчего же. Прочитал повесть В. Быкова «Сотников» и от души пожелал актеров, которые будут сниматься в фильме. В том, что такой сценарий напишут, не сомневался. Но про себя подумал: сыграть Рыбака невозможно. И вот ирония судьбы — именно это роль достается мне. Было очень важно представить жизнь героя от начала до конца. Но десятки раз прочел сценарий — и не вижу финала. Отсняли уже полкартины, а мне все финальная сцена спать не дает — из Мурома сбежать захотелось. Режиссер мое состояние поняла и успокоила: «Попробуем положить на твою интуицию». И вот первый дубль (эпизод, где Рыбак пытается повеситься), настраиваю себя — не выходит. Прошу Ларису громко зачитать текст — опять ничего. И тогда

понимаю, в чем дело: надо не играть, все делать по-настоящему. Говорю оператору Володе Чухнову: «Смотри в оба: вешаться буду не как в кино». Начиная ладить петлю, срываюсь, падаю, и текст вдруг проникает в меня каждой буквой. Рыдания давят к земле. Опускаюсь на колени в снег и молча прошу смерти за содеянное. Слышу, как не своим голосом кричит режиссер: «Камерал».

Через час надо было перенять одну сцену. Грумер подошел ко мне, стал убирать нарисованный синяк, а он не снимается — оказался настоящим. Две недели ходил с ним, прячась от всех. Опытный врач поставил диагноз: нервное потрясение. Рыбак забрал все мои силы, показалось, вычерпал до дна — три месяца не мог думать ни о какой новой работе.

— Говорят, в фильме «Старшина» вы играли самого себя?

— Мне порой тоже так кажется, Кацуба ершист, справедлив, грубоват, но за этой прямолинейностью, резкостью прячется удивительно доброе сердце. Я был сродни ребятам, которых старшина воспитывает в фильме. В восьмом классе какой-то пацан дал мне по физиономии — я не ответил, просто не знал, как бить других. Но, уязвленный, увлекся боксом, связался со шпаной и, пройдя воспитание уличного круга, успел прослыть «трудным» подростком. Бросил школу, поступил в радиотехникум, где меня решили опекают и, пригрозив, что снимут стипендию, затащили в студенческий театр. С первой репетиции сбежал, зато после удачной премьеры что-то в моей душе произошло. Я вернулся в школу, удивив учителей, вновь стал хорошим, выдержал экзамены в театральную студию при городском клубе имени Я. М. Свердлова. Профессиональная актриса Ольга Петровна Солдатова, наш руководитель, помогла мне поверить в себя, подготовила к экзаменам в ГИТИС.

Кацуба словно всколыхнул во мне все пережитое — он воевал и знает, почему фунт лиха, а тут в тылу надо готовить необстрелянных юнцов, среди которых немало таких, каким был я сам. «Старшина» — это мой собственный идеал

жого успеха. Дарование, если оно есть, не скроешь. Но его надо воспитывать, ему надо помогать, ведь бестолочь обладает завидными пробивными качествами. Талант надо учить быть умнее и шире, впитывать все впечатления, оберегать от прагматизма и душевной скупоности.

Независимо от того, знаменит ты или нет, каждой новой ролью как бы начинаешь заново свою жизнь в театре и кино, приходится бороться за свое творение, за свое видение героя. Мне не раз доводилось наткнуться на цинизм и равнодушие, но никогда не считал, что мир построен на этом. Все хорошее в нас, и талант в том числе, заложено природой и людьми — родителями, педагогами, друзьями. Нельзя предавать тех, кто награждает нас таким даром. Я не верю, когда говорят: вот он талантлив необыкновенно, а человек плохой — творческая личность обязательно деградирует вместе с человеческой.

— Друг для вас познается в беде?

— И в радости тоже. Мне казалось, у меня много друзей. Во всяком случае, когда мне было плохо, они старались помочь. А вот когда стало хорошо, некоторые перенесли это болезненно. Хотя и поздно, понял: микроб зависти способен сокрушить даже прочный фундамент добрых человеческих отношений.

— Чем заняты сейчас ваши мысли?

— Сержантом Мехениным в «Береге» Ю. Бондарева. Фильм уже готов, а я все неспокоен. Где-то этот образ перекликается с Рыбаком. Искал другие краски, боясь повториться. Мечтаю, наконец, выйти на родную сцену Театра-студии киноактера в Минске. Есть у меня три любимых, но пока не сыгранных роли — в «Утиной охоте» Вампилова, в «Первом дне свободы» Л. Кручковского, в «Ричарде III» Шекспира. Мне бы этого хватило на всю оставшуюся жизнь. Правда, съемки постоянно отрывают от работы в театре. Но я рад этой загруженности до предела — нет ничего страшнее покоя для актера.

Беседу вел
Л. ЛОМСАДЗЕ.
(БЕЛТА).

14 МАЙ 1984

ЗНАМЯ ЮНОСТИ
Б. МИНСК